

Норкина Е. С. Русско-еврейская интеллигенция за пределами черты оседлости в начале XX века : в поисках идентичности (врач И. Я. Меерович в Екатеринодаре) / Е. С. Норкина // Научный диалог. — 2019. — № 12. — С. 335—349. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-12-335-349.

Norkina, E. S. (2019). Russian-Jewish Intellectuals outside the Pale of Settlement at the Beginning of 20th Century: in Search of Identity (Doctor I. Ya. Meerovich in Yekaterinodar). *Nauchnyi dialog*, 12: 335-349. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-12-335-349. (In Russ.).

УДК 929Меерович+316.343.725 (=1.47=411.16)¹19”

DOI: 10.24224/2227-1295-2019-12-335-349

РУССКО-ЕВРЕЙСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ ЗА ПРЕДЕЛАМИ ЧЕРТЫ ОСЕДЛОСТИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА: В ПОИСКАХ ИДЕНТИЧНОСТИ (ВРАЧ И. Я. МЕЕРОВИЧ В ЕКАТЕРИНОДАРЕ)¹

© Норкина Екатерина Сергеевна (2019), orcid.org/0000-0001-9914-102X, ResearcherID N-2052-2015, SPIN 4900-0730, кандидат исторических наук, доцент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет» (Санкт-Петербург, Россия), Norichmail@yandex.ru.

На примере биографии врача И. Я. Мееровича рассматривается процесс формирования русско-еврейской интеллигенции начала XX века. Автор исследования отмечает, что Меерович, пройдя путь «выборочной интеграции», стал частью русского общества, отдалившись от традиционного еврейского образа жизни. Выявлено, что, находясь в тесном контакте с русским окружением, он продолжал поддерживать связь с еврейским сообществом. Автор приходит к выводу, что определяющим для русско-еврейской интеллигенции является ощущение прочности своего положения в социуме и поддержание добрососедских отношений с окружающими. Показано, что представители русско-еврейской интеллигенции ощущали себя причастными одновременно к двум культурным социумам — русскому и еврейскому, — и именно это ощущение являлось ключевым для них. Источниками для исследования послужили как опубликованные, так и неопубликованные материалы из фондов российских и зарубежных архивов: переписка Мееровича, периодические издания, публицистика, судебная документация, агентурные сведения департамента полиции Министерства внутренних дел.

Ключевые слова: И. Я. Меерович; русско-еврейская интеллигенция; аккультурация; еврейская община; Екатеринодар.

1. Введение

Осенью 1935 года в Краснодаре прошли похороны крупнейшего общественного деятеля и известного врача Исайя Яковлевича Мееровича. Его блестящие успехи в медицине, большая роль в развитии местного здравоохранения, благотворительность и широкая врачебная деятельность вызывали искреннюю симпатию и признание у горожан. Присутствие внушительного количества людей на траурной церемонии подтверждало значимость этой личности в жизни города. Публика, прибывшая на похороны, была довольно многоликой: от представителей городской власти до религиозных деятелей из синагоги. Этот факт показывает, что И. Я. Мее-

1 Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ (15-18-00062) в Санкт-Петербургском государственном университете.

рович принадлежал к двум культурным социумам: как к русскому, так и к еврейскому, иными словами, был представителем русско-еврейской интеллигенции.

2. История изучения русско-еврейской интеллигенции и ее идентичности

Рождение русско-еврейской интеллигенции в Российской империи на рубеже XIX—XX веков во многом связано с политикой выборочной интеграции и идеологическими изменениями внутри еврейского общества. Уже к 1880-м годам сформировались две группы русского еврейства: ограниченные в правах и культурно-изолированные евреи, вынужденные проживать в черте оседлости, и еврейское население в черте и во внутренних губерниях, интегрированное в верхние слои русского общества. Историк русского еврейства С. Гинзбург дал такое определение русско-еврейской интеллигенции: это выпускник университета или раввинского училища, работающий во благо своего народа, выступающий за гражданскую эмансипацию евреев и преданный России [Гинзбург, 1939, с. 35—37]. Его современник С. М. Дубнов пишет о русско-еврейской интеллигенции как группе, которая не замкнулась в своей культуре, а была открыта для того, чтобы делиться своими культурными достижениями [Дубнов, 1939, с. 13]. Современный историк В. Е. Кельнер отмечает, что представители русско-еврейской интеллигенции были выходцами из черты оседлости в первом или втором поколении, отошли от традиционного религиозного мировоззрения и жили в двух мирах, подвергаясь нападкам со стороны как русского, так и еврейского общества [Кельнер, 2018]. Русско-еврейская интеллигенция как результат процесса аккультурации в империи представлена в работе современного историка Т. Маурер [Маурер, 2003]. По мнению исследователя, она стояла особняком по отношению и к русскому, и к еврейскому обществам. Еврейские интеллигенты выступали за изучение русского языка, воспитание гражданского самосознания, но конечной целью они видели не слияние с русским окружением, а именно сближение. Автор выделяет основные аспекты, необходимые при изучении данных процессов: учет разницы поколений евреев, историю повседневности, локальные и региональные отличия, группу аккультурации. Историк Дж. Клиер отмечает, что русско-еврейская интеллигенция возникла в особом интеллектуальном пространстве, в котором произошло взаимопроникновение русской и еврейской культур [Клиер, 1999, с. 76]. Как и русская интеллигенция, еврейская интеллигенция в качестве своего рода долга за растущее отчуждение от еврейских масс черты оседлости находила свое призвание в различных формах служения народу [Натанс, 2007, с. 93].

Для появления русско-еврейской интеллигенции в провинциальном городе за пределами черты оседлости, таком как Екатеринодар, условий фактически не было: местная еврейская община была малочисленна, отсутствовали высшие учебные заведения. Несмотря на это, здесь появился яркий представитель русско-еврейской интеллигенции — И. Я. Меерович. В данном исследовании мы попытаемся продемонстрировать путь рождения этой группы евреев, ставшей частью русского общества, в условиях провинциального города. При этом мы учитываем, что, живя в русском окружении, имея высокую степень языковой интеграции, многие

евреи продолжали сохранять выраженную еврейскую самоидентификацию. Традиционный критерий религиозной принадлежности дополнялся, а иногда заменялся критерием этническим [Кляйнманн, 2012, с. 203].

Источниками исследования послужили материалы, освещающие общественную деятельность, личную жизнь и политические воззрения И. Я. Мееровича: заметки в местных периодических изданиях, судебные материалы и агентурные донесения МВД. Свидетельства еврейской самоидентификации Мееровича удалось проследить в фактах выбора его взаимоотношений с еврейской общиной и поддержании им связей с единоверцами, выявить в переписке с еврейскими общественными и политическими группами, а также в данных полицейского управления Екатеринодара.

3. Исследования, посвященные биографии И. Я. Мееровича

Современные исследователи не раз обращались к биографии Мееровича, и сегодня известны основные вехи его жизни. Краевед В. Бардадым стал первым автором, осветившим биографию Мееровича в отдельной статье [Бардадым, 1999]. И хотя ученый использовал документальные (в том числе архивные, впервые введенные в научный оборот) материалы, его статья имеет ряд фактологических неточностей и носит скорее краеведческий характер. Имя Мееровича важно и для современной еврейской общины Краснодара: в газете «Возрождение» была опубликована статья об истории его семьи [Возрождение, 2006, № 3, с. 2]. Значимость фигуры И. Я. Мееровича в местной исторической памяти демонстрируется появлением краткой его биографии в энциклопедии, посвященной наиболее примечательным событиям и личностям в истории Екатеринодара [Екатеринодар-Краснодар ..., 2009, с. 451—452]. Имя Мееровича появляется на страницах местных периодических изданий в связи с научными достижениями его внука, известного в Краснодаре хирурга В. М. Бенсмана (1927 г.р.), продолжившего династию врачей и вспоминавшего своего знаменитого предка [Личность крупным планом, 2017; Наша профессия ..., 2016]. Жизнь и деятельность И. Я. Мееровича не оставались без внимания в научных работах авторов, изучавших историю местной еврейской общины. Историки, как правило, подчеркивали его значимость в местной общественной и городской жизни и писали о нем как о неординарной личности [Казачек, 2002; Коваленко, 2009; Марков, 2007]. Никто из перечисленных выше исследователей не ставил задачу изучения биографии Мееровича в контексте «русско-еврейской встречи» [Натанс, 2007] или рождения новой еврейской элиты. Представленное исследование восполнит имеющиеся пробелы в «еврейской» составляющей биографии И. Я. Мееровича.

4. Политика «выборочной интеграции» в действии

И. Я. Меерович родился 2 ноября 1854 года в семье Якова Мееровича из Колонии Новополтавка Херсонской губернии [ТАКК, ф. 496, оп. 1, д. 466, л. 88]. Яков Меерович переехал в Екатеринодар в 1860-х годах и приписался к этому городу в купцы на основании специального распоряжения Кавказского наместника. В это

время к городам Кубанской и Терской областей были причислены 266 еврейских семей ремесленников и купцов на фоне проводившейся тогда политики выборочной интеграции [ТАКК, ф. 452, оп. 1, д. 363, лл. 127, 129]. Нам неизвестны основные мотивы переезда семьи Якова Мееровича за пределы черты оседлости. Закономерно, что путь «за пределы черты» мог быть для многих еврейских семей заманчивым и сулящим достойное существование. В этом контексте следует обратить внимание на социальный состав многочисленных семей прибывших в это же время в Кубанскую область и причисленных к городам евреев. Подавляющее большинство, как и Яков Меерович, были колонистами — выходцами из еврейских земледельческих колоний черты оседлости (в основном колоний Екатеринославской губернии: Новозлатополь, Графская) [Там же, лл. 50—60 об.].

После окончания Войсковой гимназии Екатеринодара И. Я. Меерович поступил в Императорскую медико-хирургическую академию в Санкт-Петербурге. В 1875 году, поступив на первый курс и, вероятно, имея финансовые трудности, он обратился с прошением о получении стипендии им. Гинцбурга [РГВИА, ф. 316, оп. 68, д. 2584, л. 1]. Фонд был создан для материальной поддержки евреев, обучавшихся в высших учебных заведениях Санкт-Петербурга. В этой связи следует отметить, что возможность получения высшего образования благодаря субсидиям, предоставлявшимся состоятельными нотаблями еврейским студентам, во многом способствовала возникновению русско-еврейской интеллигенции. На четвертом курсе обучения, в 1878 году, Меерович был командирован от Военного министерства на театр военных действий (Одесса, а оттуда в Сан-Стефано). Он служил во временном госпитале Тырново и Филиннопле, помогая врачам. В дальнейшем этот опыт был зачтен ему в качестве государственной службы [ТАКК, ф. 496, оп. 1, д. 466, л. 14]. После окончания академии защитил диссертацию на звание доктора медицины и работал уездным врачом в Тургайской области, откуда затем окончательно приехал в Екатеринодар и возглавил городскую больницу.

Вернувшись в Екатеринодар, И. Я. Меерович продолжил научную деятельность, в частности, он публиковал статьи по различным проблемам в медицине [Меерович, 1887]. Достижения Мееровича свидетельствуют о неординарности его фигуры не только в Екатеринодаре, но и в масштабах империи. Одним из первых в России он стал выполнять срочную аппендэктомия, о чем в 1900 году доложил на Первом съезде российских хирургов. В 1899 году Меерович одним из первых в России применил спинномозговую анестезию при операции (он дважды стажировался у немецкого профессора А. Бира, который первый в мире применил этот метод в 1897 году) [Юдин, 1925, с. 32]. Такой способ анестезии был особенно актуален на Кубани при операциях на селезенке во время разгара малярии.

Наряду с профессиональной благополучно складывалась и личная жизнь Мееровича. В 1881 году он женился на дочери купца Берте Абрамовой (1859 г.р.) [ТАКК, ф. 496, оп. 1, д. 466, л. 42], затем появились дети: сыновья Дмитрий (1881 г.р.), Данила (1885 г.р.), Борис (1886 г.р.), Петр (1896 г.р.), дочь Анна Дебора (1894 г.р.) [Там же]. Как жена, так и дети были единоверцами Мееровича. Он с гордостью

подчеркивал, что детей «воспитывал в том же направлении, по которому шел сам: все они остались верны вере своих отцов» [ГАКК, ф. 728, оп. 1, д. 1, л. 1 об.].

Как и многие представители русско-еврейской интеллигенции рубежа XIX — начала XX веков, Меерович старался дать своим детям высшее образование. Окончивший курс в 1904—1905 годах в Екатеринодарской мужской гимназии его сын Борис, как еврей, не смог поступить в один из российских университетов из-за процентной нормы и вынужден был отправиться в Мюнхен, где учился четыре семестра на медицинском факультете. Однако обучение пришлось прервать из-за финансовых трудностей семьи, невозможности поддерживать сына за границей. И. Я. Меерович просил возбудить ходатайство в Министерстве просвещения о принятии его сына Бориса в студенты нескольких университетов: Московского императорского, Харьковского и Киевского [ГАКК, ф. 496, оп. 1, д. 466, л. 57]. Сын Дмитрий также получил медицинское образование и работал зубным врачом в Екатеринодаре, Даниил учился в Берлинском университете, Петр и Анна — в Екатеринодарской гимназии [Там же, л. 81].

Один из сыновей — в то время гимназист 8-го класса — участвовал в Русско-Японской войне, работая вместе с отцом в качестве санитаря. Сам И. Я. Меерович был старшим врачом в Кубанском летучем санитарном отряде Красного Креста. Отряд был создан на пожертвования жителей Екатеринодара, и вместе с Мееровичем в нем служили младший врач, сестры милосердия санитарки и сиделка. Под Ляояном в критической ситуации Меерович раздобыл баржу и развернул на ней плавучий лазарет, благодаря чему были эвакуированы и прооперированы на плаву более 1000 раненых [Бенсман, 2006, с. 63—66; Бенсман, 2005, с. 152—157; Отправление ..., 1904]. Во время отступления под Мукденом он отказался оставлять тяжелораненых, которых командование приказало сдать в плен, и продолжал оказывать им помощь [Бенсман, 2005, с. 155]. За самоотверженный труд многие сестры милосердия и санитары получили боевые награды. Сам Меерович удостоился Орденов Св. Станислава 2-й степени, Св. Анны и Владимира 4-й степени — все с мечами за воинские заслуги [ГАКК, ф. р-1547, оп. 1, д. 143, л. 3].

Заслуги и профессиональная деятельность Мееровича вполне соответствовали положению единоверцев его уровня: во многих городах черты еврейской оседлости и внутренних губерний врачи составляли наиболее активную часть еврейского общества. Они выступали с лекциями, работали в отделениях Красного креста, занимались преподавательской и просветительской деятельностью в учебных заведениях, сиротских домах и приютах, еврейских общинах. Врачебная деятельность повышала общественный статус евреев и создавала благоприятную репутацию в обществе. Врачи составляли самую высокообразованную часть общины, ее элиту.

4. Интеграция в русское общество

Пожалуй, вся активная жизнь и деятельность характеризовала И. Я. Мееровича прежде всего как лидера русского общества. В Екатеринодаре он занимал несколько должностей. Помимо руководства больницей, он был утвержден в должности врача Первой городской Екатеринодарской мужской гимназии, проводил

теоретические и практические занятия по медицине в Кубанской общине сестер милосердия [ГАКК, ф. 496, оп. 1, д. 466, лл. 12, 17]. В 1893 году Меерович был зачислен в запас чиновников Военно-Медицинского ведомства по Кубанской области. Найдя себе единомышленников среди местной русской интеллигенции, он выработал устав Общества Народных университетов, где устраивал бесплатные просветительские лекции на медицинские темы, привлекавшие внимание многочисленной публики [Кубанские областные ..., 1907, № 267, с. 1]. Как общественный деятель, способствовал организации 1-го Екатеринодарского общества местного кредита и Екатеринодарского общества борьбы с пьянством. Он не раз принимал участие в работе городского общественного управления по организации, правильной постановке и развитию врачебной и санитарной части городского хозяйства [ГАКК, ф. р-1547, оп. 1, д. 143].

Меерович совмещал активное участие в жизни местного общества с широкой благотворительной деятельностью. При всякой возможности он старался вложить свободные финансовые средства в расширение и усовершенствование больницы. В частности, на средства, пожертвованные им от состоятельных пациентов, он обновил медицинское оборудование, построил хирургический павильон при больнице, родильный приют, павильон для солнечных ванн [Там же]. Имя Мееровича значилось в списке жертвовавших деньгами и вещами в отчете с лотереи в пользу Кубанской общины сестер милосердия Российского общества Красного креста в 1913 году [Кубанский казачий ..., 1913, № 442, с. 3]. Городская Дума и Городской голова неоднократно выражали благодарность Мееровичу за его благотворительность в сфере медицины [ГАКК, ф. 788, оп. 1, д. 1, л. 13 об.]. Сам И. Я. Меерович, по свидетельству членов городской управы Екатеринодара, несмотря на обширную практику и огромную популярность как в Екатеринодаре, так и на Северном Кавказе, в материальном отношении оставался недостаточно обеспеченным [РГИА, ф. 919, оп. 2, д. 882, лл. 24—24 об.]. Его жена — Берта Абрамовна Меерович — поддерживала направления деятельности мужа и совместно с председателем «Общины сестер милосердия», женой начальника Кубанской области Софьей Иосифовной Бабыч участвовала в сборе средств для общества, была учредителем приюта «Ясли» в Екатеринодаре, членом правления благотворительного «Общества при Екатеринодарской городской больнице» [Оспищева, 2003, с. 97]. Кроме того, она организовала сбор пожертвований среди екатеринодарцев в помощь пострадавшим от еврейского погрома в Белостоке в 1906 году [Объявление, 1906, № 77, с. 1]. Подобная сопричастность жены к благотворительной деятельности наряду с деятельностью мужа и выражение поддержки еврейскому народу были в целом характерны для представителей русско-еврейской интеллигенции рубежа XIX — начала XX веков.

Активная благотворительная, общественная и медицинская деятельность снижали уважение к Мееровичу в среде местного сообщества. Он был вхож в дома городских голов (в частности, Г. С. Чистякова и М. П. Бабыча), присутствовал на светских мероприятиях, организованных представителями местной власти, участвовал в заседаниях Городской Думы. Он сам был уверен в своем прочном положении

в городе как старейшего хирурга: «Долговременная врачебная практика настолько сроднила меня с местным населением, что в случаях каких-либо семейных невзгод ко мне обращались за советом и иногда за третейским судом» [ГАКК, р. 1547, оп. 1, д. 143, л. 4]. Такие широкие связи давали ему ощущение защищенности. В целом в случае попытки выселения евреев-врачей по ограничительному законодательству у них часто находилась масса заступников перед властью, которым ранее этими медиками была оказана помощь. В профессиональной жизни Меерович наиболее тесно сотрудничал с городскими врачами: А. Я. Рохлиным, В. М. Платоновым, М. А. Хацкелевичем.

5. И. Я. Меерович — лидер еврейской общины Екатеринодара

С первых лет своей профессиональной деятельности в Екатеринодаре Меерович выступал в качестве одного из лидеров местного еврейского общества. Так, в 1887 году состоялось освящение синагоги в Екатеринодаре, на котором присутствовал глава города В. С. Климов и представители местной администрации. Именно И. Я. Меерович на этом празднике показывал синагогу и делал публичный доклад о состоянии еврейской общины в городе. По его сведениям, в городе проживало около 200 еврейских семей, в основном ремесленников [Недельная Хроника Восхода, 1887, № 42].

В период расцвета палестинофильства в России в начале XX века Меерович руководил сбором средств для Общества вспомоществования евреям земледельцам Сирии и Палестины. С появлением первых сионистских кружков на Северном Кавказе в 1900 году Меерович поддерживал переписку с сионистскими лидерами: в частности, в одном из писем он просил выслать шекельные квитанции. По его наблюдениям, все существование сионистского кружка в Екатеринодаре сводилось лишь к уплате шекельного налога. Он сообщал, что местное еврейское общество составляет 60—70 семейств, и был озабочен, что «некоторые уже забыли, что они евреи» [ЦСА, ф. А24, 659—146]. Он также просил помощи у сионистов в поиске преподавателя еврейского языка для местной еврейской общины и человека, готового исполнять должность раввина, так как евреи Кубанской области не имели своего и были подчинены раввину Керчь-Еникальского градоначальства [Там же].

В начале XX века, в период активного распространения еврейских благотворительных организаций, члены Общества полноправия еврейского народа в России обратились именно к Мееровичу с просьбой организовать отдел Общества в Екатеринодаре. Они писали: «Мы узнали о всегдашней Вашей готовности служить общему делу», — и упоминали в качестве возможного помощника екатеринодарского врача А. Рохлина [РГИА, ф. 1565, оп. 1, д. 281, л. 1]. Нам не известно, что ответил Меерович на это предложение, однако такой факт может свидетельствовать о том, что Меерович, вероятно, поддерживал связи с российским еврейством и за пределами своего региона.

Всестороннее участие в жизни местного еврейского сообщества сформировало представление о Мееровиче у местной администрации и полиции как о защитнике евреев. И действительно, он помогал евреям с оформлением доверенно-

стей, подавал бумаги в административные и судебные учреждения по вопросам, связанным с их выселением ввиду нелегального проживания в области [ГАКК, ф. 454, оп. 2, д. 337, л. 14]. Когда в очередной раз в Екатеринодаре по распоряжению Кубанского областного правления закрывался молитвенный дом, он не остался в стороне и оформлял ходатайства в высшие инстанции власти [РГИА, ф. 821, оп. 8, д. 117]. Он признавал, что, как иудей, сочувствовал бесправному положению своих единоверцев [ГАКК, ф. 788, оп. 1, д. 1, л. 1]. По свидетельству В. М. Бенсмана, внука Мееровича, его дед был попечителем синагоги, но не посещал ее. Его жена Берта Абрамовна порицала его за то, что он не присутствовал на религиозных событиях в синагоге. Однако это не мешало ему поддерживать исторически сложившийся нарратив о еврейском народе: Меерович часто пересказывал внукам библейские сюжеты и рассуждал об идее избранности еврейского народа [Интервью с В. М. Бенсманом, 2019].

Несмотря на сложившийся образ лидера еврейской общины во время антиеврейских погромов в городе в 1905 году, имущество Мееровича не пострадало. Он и сам это подчеркивает: «... во время еврейских погромов в Екатеринодаре, когда пострадали почти все еврейские врачи и еврейские семьи, меня никому не пришлось в голову тронуть» [ГАКК, р. 1547, оп. 1, д. 143, л. 4]. Это свидетельствует о его прочном положении в городе и уважении среди горожан к нему как старейшему хирургу, который, вероятно, многим обращавшимся к нему за помощью не отказывал.

6. Судебное дело по обвинению Мееровича в революционной деятельности

Авторитет и добрые отношения с горожанами помогли Мееровичу в 1907—1908 годах, когда его обвинили в участии в деятельности революционных партий. Незадолго до официального обвинения Меерович узнал о подозрении его полицией в антиправительственной деятельности. Начальник области М. П. Бабыч всячески намекал ему о надвигающейся опасности, однако Меерович воспринимал это как шутку, так как верил в то, что в нем видят добропорядочного и преданного государству гражданина. Согласно агентурным донесениям Департамента полиции МВД, Меерович «находился в тесной связи с максималистами» [ГАРФ, ф. 102, д. 12, ч. 24, литера А, л. 5]. Он всячески отрицал свою причастность к какой-либо антиправительственной деятельности. Из судебных показаний становится понятно, что полиция стала подозревать Мееровича в антиправительственной деятельности в связи с тем, что он лечил в своей больнице некоторых революционеров. Сам Меерович объяснял, что всегда лечил всех нуждавшихся в медицинской помощи независимо от политических взглядов и социального происхождения.

Несмотря на всю нелепость обвинений, Меерович был осужден. Суд приговорил его к ссылке в Тобольскую губернию на 3 года. Меерович пришел домой к Начальнику области М. П. Бабычу, но тот не принял его. Таким образом он дал понять Мееровичу, что прекращает его поддержку. После этого Меерович добился права приехать в Санкт-Петербург, чтобы попытаться смягчить приговор, и попал на прием к Товарищу Министра Внутренних дел А. А. Макарову. Тот выслушал объяснения Мееровича и объявил, что освобождает его от всяких обвинений. Од-

нако сам Меерович признавал, что увидел некоторое недоверие к себе со стороны власти и не мог внутренне принять подозрений в участии в революционной деятельности. Окончательное решение о праве проживания Мееровича и его дальнейшей карьере должен был принять Наместник Кавказа. Меерович не сомневался в оправдании, потому что был уверен в том, что местная власть знает его лучше, чем министры. Затем он уехал в Берлин в научную командировку от городской больницы. После возвращения в Екатеринодар М. П. Бабич посоветовал ему уехать из города, пока все «забудется». Однако Меерович дал понять, что надеется на его помощь, но М. П. Бабич вынужден был руководствоваться агентскими сведениями. После этого Мееровичу по распоряжению МВД было запрещено работать в должности врача, и поэтому он поехал в Санкт-Петербург и Тифлис с просьбой снова пересмотреть его дело. В итоге Меерович был обвинен по ст. 102 за участие в образовании общества «анархистов-коммунистов». В своих довольно подробных следственных показаниях Меерович выражал надежду на помощь и поддержку местного городского сообщества, повторяя, что его хорошо знают и что он очень расстроен, поскольку «теперь в Екатеринодаре новый прокурор, не знающий меня совершенно» [ГАКК, ф. 788, оп. 1, д. 1, л. 11]. Как человек, уверенный в долголетних добрососедских отношениях, он опасался, что последний факт отрицательно повлияет на исход дела.

Успешная профессиональная деятельность, военные и государственные награды Мееровича обеспечили ему связи с имперскими чиновниками. Двоюродная сестра доктора Мееровича Надежда Чернецкая, заручившись письмом с наилучшими отзывами о полезной деятельности Мееровича от князя Б. А. Васильчикова — бывшего главноуполномоченного Красным Крестом в Русско-Японской войне — и от Начальника Кубанской области Я. Д. Маламы, знавшего Мееровича много лет, ходатайствовала о помиловании Мееровича [Кубанский курьер, 1911, № 739, с. 3]. Участь Мееровича была облегчена по воле Императора: ссылка на поселение с лишением всех прав была заменена тюремным заключением на 2 недели с сохранением всех прав [Там же, № 717, с. 3; № 730, с. 3].

7. Политические и общественные взгляды Мееровича

В объяснительной записке к судебному делу ожидаемо складывается образ Мееровича как добропорядочного гражданина. Он подчеркивает преданность свою и всей семье государству, демонстрирует свои научные достижения и любовь к профессии, человеческое сострадание и желание помочь больным и нуждающимся, стремление к благотворительности, выступает резко против любой революционной деятельности и порицает революционеров, в том числе еврейского происхождения [ГАКК, ф. 788, оп. 1, д. 1]. В этом контексте стоит отметить некоторое сходство в осознании себя и своего места в обществе И. Я. Мееровичем и другим ярким представителем русско-еврейской интеллигенции начала XX века — Г. Слиозбергом, который писал: «Я с детства привык сознать себя прежде всего евреем, но уже с самого начала моей сознательной жизни я чувствовал себя и сыном России» [Слиозберг, 1933 с. 73].

Постоянно обращаясь к еврейскому вопросу, Меерович отмечает, что именно после революции 1905 года евреев стали рассматривать как главных ее зачинщиков и такой взгляд распространился среди местного населения и на него [ГАКК, ф. 788, оп. 1, д. 1, л. 9]. Несколько раз в своих высказываниях Меерович указывает на то, что он и его семья преданы империи вопреки всей правовой несправедливости в отношении евреев, которую терпит он и его дети. При этом его отрицательное отношение к правовым ограничениям в отношении евреев было скорее закономерностью: для значительной части русской и еврейской интеллигенции требовать еврейского равноправия стало модным поветрием в начале XX века [Кельнер, 2018, с. 7].

Как человек, принимавший активное участие в жизни города, Меерович прекрасно владел информацией о политической жизни в стране и особенностях партийной деятельности в Екатеринодаре. На открытых лекциях, а также в публицистических заметках он стремился доступно объяснить своим слушателям и читателям политическую обстановку в стране и городе. Часто выступал в защиту интеллигенции, против которой было настроено местное население, отмечая ее вклад в развитие образования и благотворительности. Публично поддерживал Трудовиков Народных Социалистов. Всячески защищал интеллигенцию как группу, которая сможет улучшить ситуацию в стране. По его мнению, главная роль интеллигенции — нести знания, открыть глаза народу, превратить Екатеринодар из мещанского города в город интеллигентов [Меерович, 1906; Меерович, 1907].

Язык публикаций и выступлений Мееровича богат и метафоричен. Содержание текстов его авторства свидетельствует о том, что знания этого общественного деятеля не ограничивались только медициной и политикой. Он прекрасно был знаком с литературными произведениями русских классиков, имел глубокие познания в области древней и средневековой, русской и зарубежной истории, литературы, философии. Закономерно, что во многих публикациях и публичных выступлениях Меерович проповедует знание как единственный путь к улучшению ситуации в стране в целом и жизни каждого человека. При этом, в его представлении, научный прогресс не может существовать отдельно от Бога. Он пишет: «Мы веруем, что Бог и прогресс одно и то же» [ГАКК, ф. 788, оп. 1, д. 1, л. 15], «Знание зажигает в человеке искру Божью. Чем больше знания, тем больше и божественного огня» [Меерович ..., 1906, № 25]. Красной нитью в его рассуждениях проходит вера в Бога. Часто он цитирует стихи из Ветхого Завета.

Гражданская позиция Мееровича проявлялась отнюдь не только в публикациях и лекциях, он подтверждал свои взгляды делами. Когда в 1914 году грянула мировая война, Меерович добровольцем ушел на фронт с сыном Борисом. Вернувшись, он вновь включился в общественную и политическую деятельность. В 1917 году Екатеринодарская дума избрала его почетным пожизненным попечителем городской больницы. После революции 1917 года и в 1920-е годы он продолжал выступать с публичными просветительскими лекциями, оказывал медицинскую помощь и принял участие в организации медицинского факультета государственного университета в Екатеринодаре.

8. Заключение

На наш взгляд, Меерович полностью соответствовал тому определению *интеллигенции*, которое дал сам: «... человек, обладающий большим запасом знаний не только в своей специальности, при помощи которой он зарабатывает себе хлеб, а также и по другим наукам, например: по истории, политической экономии, финансовому праву, государственному праву и т. д., при помощи которых образованный человек знает, как люди жили несколько сот лет тому назад, какие ошибки они тогда делали ...» [Меерович, 1906]. Уверенно чувствуя себя в местном русском социуме, он действовал во многом так, как любой другой представитель русской интеллигенции начала XX века: занимался благотворительностью, достиг высокого профессионального уровня, был политически активен и равнодушен к местным городским и общественным проблемам. Пройдя путь «выборочной интеграции», Меерович прочно закрепился в русском обществе, отдалившись от традиционного еврейского образа жизни. Однако, находясь в тесном контакте с русским окружением, он продолжал поддерживать связь с еврейским сообществом. Эта связь выражалась в участии Мееровича в еврейской политической жизни, осведомленности о жизни местной еврейской общины, защите прав евреев. Утратив потребность в религиозных традициях иудаизма, он чувствовал необходимость быть сопричастным культуре и жизни еврейского народа. Русско-еврейская интеллигенция, уверенно чувствующая себя и занимающая прочные позиции в русском социуме, — группа людей с проявляющейся в различных ситуациях еврейской самоидентификацией. Иными словами, представители русско-еврейской интеллигенции ощущали себя причастными одновременно к двум культурным социумам, как к русскому, так и к еврейскому, и именно это ощущение являлось ключевым для них.

Источники и принятые сокращения

1. ГАКК — *Государственный архив Краснодарского края*. Ф. 452. (Гражданская канцелярия начальника Кубанской области). Оп. 1. Д. 363. Лл. 50—60 об., 127, 129 ; Ф. 454. (Канцелярия начальника Кубанской области и наказного атамана Кубанского казачьего войска). Оп. 2. Д. 337. Л. 14 ; Ф. 496 (1-я Екатеринодарская городская мужская гимназия Кавказского учебного округа Министерства народного просвещения). Оп. 1. Д. 466. Лл. 12, 14, 17, 42, 57, 81 ; Ф. 778. Оп. 1. Д. 1. Л. 1 об., 9, 11, 13 об., 15 ; Ф. Р-1547 (Коллекция документов по истории Кубани, собранная краеведом Мироновым П. В). Оп. 1. Д. 143. Л. 3, 4 ;
2. ГАРФ — *Государственный архив Российской Федерации*. Ф. 102. (Департамент полиции МВД). Д. 12, ч. 24. Литера А. Л. 5.
3. *Интервью* с В. М. Бенсманов // Code 1-01. Информант родился в 1927 г., г. Краснодар, интервью проходило 3 марта 2019 г., г. Краснодар. Общая продолжительность интервью 52 мин. Интервьюер — Е. С. Норкина.
4. *Кубанские областные ведомости*. — 1907. — № 267. — С. 1.
5. *Кубанский казачий листок*. — 1913. — № 442. — С. 3.
6. *Кубанский курьер*. — 1911. — № 717. — С. 3 ; № 730. — С. 3 ; № 739. — С. 3.
7. *Меерович И. Я.* Граждане мещане / И. Я. Меерович // *Кубанская жизнь*. — 1906. — 27 апреля. — № 25.

8. *Меерович И. Я.* Значение знания в истории человеческого прогресса / И. Я. Меерович // Школа и жизнь. — 1907. — № 16.

9. *Меерович И. Я.* К этиологии рожи и сопутствующих ее заболеваний : Бактериологическое исследование : диссертация на степ. д-ра мед. И. Я. Мееровича. — Санкт-Петербург : тип. Н. А. Лебедева, 1887. — 131 с.

10. *Недельная Хроника Восхода.* — 1887. — 18 октября. — № 42.

11. *Объявление* // Кубанская жизнь. — 1906. — 2 июля. — № 77. — С. 1.

12. *Отправление санитарного отряда* // Кубанские ведомости. — 1904. — 28 апреля. — № 90.

13. РГВИА — *Российский* государственный военно-исторический архив. Ф. 316 (Военно-медицинская академия). Оп. 68. Д. 2584. Л. 1.

14. РГИА — *Российский* государственный исторический архив. Ф. 919. (Воронцовы-Дашковы, графы). Оп. 2. Д. 882. Л. 24—24 об ; Ф. 821. (Департамент духовных дел и иностранных исповеданий). Оп. 8. Д. 117 ; Ф. 1565 (Центральный комитет Общества для достижения полноправия еврейского народа в России). Оп. 1 Д. 281. Л. 1.

15. ЦСА — *Центральный* Сионистский архив. Ф. А 24 (Усышкин М.). Д. 659—146.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бардадым В.* Загадка доктора Мееровича / В. Бардадым // Кубанские портреты. — Краснодар : Советская Кубань, 1999. — С. 121—138.

2. *Бенсман В. М.* Роль санитарных отрядов Красного креста в Русско-Японской войне 1904—1905 гг. (к столетию Русско-Японской войны) / В. М. Бенсман // Кубанский научный медицинский вестник. — 2005. — № 7—8. — С. 152—157.

3. *Бенсман В. М.* Санитарные отряды Красного Креста в Русско-Японской войне 1904—1905 гг. / В. М. Бенсман // Военно-Медицинский журнал. — 2006. — № 8. — С. 63—66.

4. *Возрождение.* — 2006. — 1 ноября. — № 3. — С. 2.

5. *Гинзбург С. М.* О русско-еврейской интеллигенции / С. М. Гинзбург // Еврейский мир. — Париж, 1939. — С. 35—37.

6. *Дубнов С. М.* Русско-еврейская интеллигенция в историческом аспекте / С. М. Дубнов // Еврейский мир. — Париж, 1939. — С. 11—15.

7. *Екатеринодар* — Краснодар. 1793—2009 : [историческая энциклопедия] / [авт.-сост. Б. А. Трехбратов, В. А. Жадан]. — Краснодар : Кубань-Книга, 2009. — С. 451—452.

8. *Казачек Е.* Евреи Кубанской области в XIX—XX веках : историко-культурный аспект / Е. Казачек. — Краснодар : Грани, 2002. — С. 101—116.

9. *Личность крупным планом* // Вольная Кубань. — 2017. — 16 ноября. — № 130.

10. *Марков В. Н.* Евреи Кубанской области (вторая половина XIX — начало XX вв.) : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / В. Н. Марков. — Майкоп, 2007. — 202 с.

11. *Кельнер В. Е.* Щит. М. М. Винавер и еврейский вопрос в России в конце XIX — начале XX века / В. Е. Кельнер. — Санкт-Петербург : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2018. — 510 с.

12. *Клиер Дж.* О русско-еврейской интеллигенции / Дж. Клиер // Евреи в России : история и культура : сборник научных трудов / ответственный редактор Д. А. Эльяшевич. — Санкт-Петербург : Петербургский еврейский университет, 1995. — С. 75—78.

13. Кляйнманн И. Еврейское общество за пределами черты оседлости / И. Кляйнманн // История еврейского народа в России. — Москва : От разделов Польши до падения Российской империи. — 2012. — Т. 2. — С. 188—203.

14. Коваленко В. Ю. Евреи в хозяйственной, политической и социальной жизни российской провинции в конце XIX — первой трети XX веков (на материалах Ставрополя и Кубани) : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / В. Ю. Коваленко. — Ставрополь, 2009. — 306 с.

15. Маурер Т. Западные евреи? Восточные евреи? Аккультурация как парадигма сравнительной истории евреев в Германии и Восточной Европе / Т. Маурер // Ab Imperio. — 2003. — № 4. — С. 59—91.

16. Натанс Б. За чертой : евреи встречаются с позднеимперской Россией / Б. Натанс. — Москва : РОССПЭН, 2007. — 461, [2] с.

17. «*Наша* профессия не прощает бесчестия ...» // Кубань Сегодня. — 2016 — 17 июня. — № 53.

18. Оспищева Л. Е. История благотворительных организаций Кубани (конец XIX — начало XX века) : опыт изучения / Л. Е. Оспищева. — Майкоп : Адыгея, 2003. — 255 с.

19. Слиозберг Г. Б. Дела минувших дней : Записки русского еврея / Г. Б. Слиозберг. — Париж : Издательство Комитета по чествованию 70-летнего юбилея Г. Б. Слиозберга, 1933—1934. — Т. 1. — 305 с.

20. Юдин С. С. Спинномозговая анестезия / С. С. Юдин // История основания, техника и клиническая оценка метода и его применения. — Серпухов, 1925. — 347 с.

RUSSIAN-JEWISH INTELLECTUALS OUTSIDE THE PALE OF SETTLEMENT AT THE BEGINNING OF 20TH CENTURY: IN SEARCH OF IDENTITY (DOCTOR I. YA. MEEROVICH IN YEKATERINODAR)¹

© Ekaterina S. Norkina (2019), orcid.org/0000-0001-9914-102X, ResearcherID N-2052-2015, SPIN 4900-0730, PhD in History, associate professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Saint-Petersburg State University” (St. Petersburg, Russia), Norichmail@yandex.ru.

The process of formation of the Russian-Jewish intellectuals of the early twentieth century on the example of the biography of the doctor I. Ya. Meerovich is illustrated in the article. The author of the article notes that Meerovich, having passed the path of “selective integration”, firmly entered Russian society, moving away from the traditional Jewish way of life. It was revealed that, being in close contact with the Russian environment, he continued to maintain contact with the Jewish community. The author concludes that the determining factor for the Russian-Jewish intellectuals is a sense of the strength of their position in society and the maintenance of good neighborly relations with the surrounding community. It is shown that representatives of the Russian-Jewish intellectuals felt themselves involved at the same time in two cultural societies - Russian and Jewish, and this feeling was the key. The research sources were both published and unpublished materials from the collections of Russian and foreign archives: Meerovich's correspondence, periodicals, journalism, court documents, declassified intelligence information of the Ministry of Internal Affairs.

1 The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation (15-18-00062) at Saint-Petersburg State University.

Key words: I. Ya. Meerovich; Russian-Jewish intellectuals; acculturation; Jewish community; Yekaterinodar.

MATERIAL RESOURCES

- GAKK — *Gosudarstvennyy arkhiv Krasnodarskogo kraya*. F. 452. (Grazhdanskaya kantselyariya nachalnika Kubanskoy oblasti). Op. 1. D. 363. Ll. 50-60ob., 127, 129; F. 454. (Kantselyariya nachalnika Kubanskoy oblasti i nakaznogo atamana Kubanskogo kazachyego voyska). Op. 2. D. 337. L. 14; F. 496 (1-ya Ekaterinodarskaya gorodskaya muzhskaya gimnaziya Kavkazskogo uchebnogo okruga Ministerstva narodnogo prosveshcheniya). Op. 1. D. 466 Ll. 12, 14, 17, 42, 57, 81; F. 778. Op. 1. D. 1. L. 1 ob., 9, 11, 13 ob., 15; F. R—1547 (Kollektsiya dokumentov po istorii Kubani, sobrannaya krayevedom Mironovym P. V). Op. 1. D. 143. L. 3, 4. (In Russ.).
- GARF — *Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii*. F. 102. (Departament politicii MVD). D. 12. ch. 24. Litera A. L. 5. (In Russ.).
- Intervyu s V. M. Bensmanov (2019). In: *Code 1-01*. Informant rodilsya v 1927 g., g. Krasnodar, intervyu prokhodilo 3 marta 2019 g., g. Krasnodar. Obshchaya prodolzhitel'nost intervyu 52 min. Intervyuer. E. S. Norkina. (In Russ.).
- Kubanskiy kazachiy listok*, 442. (1913) (In Russ.).
- Kubanskiy kuryer*, 717, 730, 739. (1911) (In Russ.).
- Kubanskiye oblastnyye ведомости*, 267. (1907) (In Russ.).
- Meyerovich, I. Ya. (1887). *K etologii rozhi i soputstvuyushchikh yeye zabolevaniy: Bakteriologicheskoye issledovaniye: Dissertatsiya na step. d-ra med. I. Ya. Meyerovicha*. Sankt-Peterburg: tip. N. A. Lebedeva. (In Russ.).
- Meyerovich, I. Ya. (1906). Grazhdane meshchane. *Kubanskaya zhizn'*, 25. 27 aprelya. (In Russ.).
- Meyerovich, I. Ya. (1907). Znachenie znaniya v istorii chelovecheskogo progressa. *Shkola i zhizn'*, 16 (In Russ.).
- Nedel'naya Khronika Voskhoda*, 42. (1887) 18 oktyabrya (In Russ.).
- Obyavleniye (1906). *Kubanskaya zhizn'*, 77. 2 iyulya. (In Russ.).
- Otpravleniye sanitarnogo otryada (1904). *Kubanskiye ведомости*, 90. 28 aprelya. (In Russ.).
- RGIA — *Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv*. F. 821. (Departament dukhovnykh del i inostrannykh ispovedaniy). Op. 8. D. 117; F. 919. (Vorontsovy-Dashkovy, grafy). Op. 2. D. 882. L. 24—24 ob; F. 1565 (Tsentralnyy komitet Obshchestva dlya dostizheniya polnopraviya evreyskogo naroda v Rossii). Op. 1. D. 281. L. 1. (In Russ.).
- RGVIA — *Rossiyskiy gosudarstvennyy voenno-istoricheskiy arkhiv*. F. 316 (Voenno-meditsinskaya akademiya). Op. 68. D. 2584. L. 1. (In Russ.).
- TsSA — *Tsentralnyy Sionistskiy arkhiv*. F. A24 (Usyshkin M.). D. 659—146. (In Russ.).

REFERENCES

- Bardadym, V. (1999). Zagadka doktora Meyerovicha. In: *Kubanskiye portrety*. Krasnodar: Sovetskaya Kuban'. 121—138. (In Russ.).
- Bensman, V. M. (2005). Rol' sanitarnykh otryadov Krasnogo kresta v Russko-Yaponskoy voyne 1904—1905 gg. (k stoletiyu Russko-Yaponskoy voyny). In: *Kubanskiy nauchnyy meditsinskiy vestnik*, 7—8: 152—157. (In Russ.).

- Bensman, V. M. (2006). Sanitarnyye otryady Krasnogo Kresta v Russko-Yaponskoy voyne 1904—1905 gg. *Voyenno-Meditsinskiy zhurnal*, 8: 63—66. (In Russ.).
- Besman, V. (2016). «Nasha professiya ne proshchayet beschestiya ...». *Kuban' Segodnya*, 53. (In Russ.).
- Dubnov, S. M. (1939). Russko-yevreyskaya intelligentsiya v istoricheskom aspekte. In: *Evreyskiy mir*. Parizh. 11—15. (In Russ.).
- Ginzburg, S. M. (1939). O russko-yevreyskoy intelligentsii. In: *Evreyskiy mir*. Parizh. 35—37. (In Russ.).
- Kazachek, E. (2002). *Yevrei Kubanskoy oblasti v XIX—XX vekakh: istoriko-kulturnyy aspekt*. Krasnodar: Grani. 101—116. (In Russ.).
- Kelner, V. E. (2018). *Shchit. M. M. Vinaver i yevreyskiy vopros v Rossii v kontse XIX — nachale XX veka*. Sankt-Peterburg: Izdatelstvo Yevropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge. (In Russ.).
- Kliyer, Dzh. (1995). O russko-yevreyskoy intelligentsii. In: *Yevrei v Rossii: istoriya i kultura: sbornik nauchnykh trudov*. Sankt-Peterburg: Peterburgskiy yevreyskiy universitet. 75—78. (In Russ.).
- Klyaynmann, I. (2012). Yevreyskoye obshchestvo za predelami cherty osedlosti. In: *Istoriya yevreyskogo naroda v Rossii*, 2. Moskva: Ot razdelov Polshi do padeniya Rossiyskoy imperii. 188—203. (In Russ.).
- Kovalenko, V. Yu. (2009). *Yevrei v khozyaystvennoy, politicheskoy i sotsialnoy zhizni rossiysskoy provintsii v kontse XIX — pervoy trety XX vekov (na materialakh Stavropolya i Kubani): dissertatsiya ... kandidata istoricheskikh nauk*. Stavropol'. (In Russ.).
- Lichnost' krupnym planom. (2017). *Volnaya Kuban'*, 130. 16 noyabrya. (In Russ.).
- Markov, V. N. (2007). *Yevrei Kubanskoy oblasti (vtoraya polovina XIX — nachalo XX vv.): dissertatsiya ... kandidata istoricheskikh nauk*. Maykop. (In Russ.).
- Maurer, T. (2003). Zapadnyye yevrei? Vostochnyye yevrei? Akkulturratsiya kak paradigma sravnitel'noy istorii yevreyev v Germanii i Vostochnoy Yevrope. *Ab Imperio*, 4: 59—91. (In Russ.).
- Natans, B. (2007). *Za chertoy: yevrei vstrechayutsya s pozdneimperskoy Rossiyei*. Moskva: ROSSPEN. (In Russ.).
- Ospishcheva, L. E. (2003). *Istoriya blagotvoritelnykh organizatsiy Kubani (konets XIX — nachalo XX veka): opyt izucheniya*. Maykop: Adygeya. (In Russ.).
- Slizberg, G. B. (1933—1934). *Dela minuvshikh dney: Zapiski russkogo yevreya, I*. Parizh: Izdatelstvo Komiteta po chestvovaniyu 70-letnego yubileya G. B. Slizberga. (In Russ.).
- Trekhbratov, B. A., Zhadan, V. A. (sost.) (2009). *Ekaterinodar — Krasnodar. 1793—2009: [istoricheskaya entsiklopediya]*. Krasnodar: Kuban'-Kniga. 451—452. (In Russ.).
- Vozrozhdeniye, 3. (2006). (In Russ.).
- Yudin, S. S. (1925). *Spinnomozgovaya anesteziya. Istoriya osnovaniya, tekhnika i klinicheskaya otsenka metoda i yego primeneniya*. Serpukhov. (In Russ.).